

рости доживают и учениками умирают» (VI, 397); «Если бы те, которые все свои дни затемняют дымом и сажей и в мозгу которых господствует хаос от массы непродуманных опытов, не гнушались поучиться священным законам геометров... то несомненно могли бы глубже проникнуть в таинства природы» (II, 75); «Особливо же к тем представляю, которые, обращаясь похвально в одной химической практике, выше углей и пеплу головы своей поднять не смеют, дабы они изыскания причин и природы первоначальных частиц, тела составляющих... не почитали тщетным и суемудренным» (III, 342).

Нетрудно заметить, что применение метонимий и перифраз, точно так же как и метафоризация, не только содействует живописности слога ломоносовской научной прозы, но и в ряде случаев помогает избежать трудностей, связанных с необходимостью дать обозначение тому или иному факту или научному понятию. Так, перифразы: «те, которые все свои дни затемняют дымом и сажей» и «те, которые... выше углей и пеплу головы своей поднять не смеют» заменяют отсутствовавшее в научном языке того времени обозначение: ученые-практики, эмпирики.

Другим, не менее важным качеством ломоносовского научного языка, наряду с его богатейшей образностью, является его поразительное лексическое богатство, необычайная широта его лексического диапазона.

Основной заслугой Ломоносова в области литературного языка справедливо считается осуществление синтеза живого русского языка с языком книжным, церковнославянским. Внушительные масштабы этого синтеза особенно ощутительны в научной и публицистической прозе Ломоносова. Тут особенно становится ясным, насколько широко были раздвинуты Ломоносовым границы литературного языка, с какой свободой и смелостью черпал он слова в самых различных глубинах «едва пределы имеющего моря» языка, начиная с высокой церковнославянской лексики и кончая разговорным просторечием.

Ломоносова обычно рассматривают как создателя нормативной стилистики, при этом преимущественное внимание уделяется его теоретическим положениям, а из языковой практики Ломоносова подбираются лишь те факты, которые подтверждают установленные им стилистические нормы.

Между тем неповторимая индивидуальность ломоносовского стиля проявляется не столько в следовании этим нормам, сколько в стихийном отклонении от них. Живой, страстной натуре ученого-патриота, просветителя, полемиста было тесно в рамках установленной им же самим стилистической классификации. Давая волю непосредственному выражению чувства, он нередко выходил за пределы литературно-стилистических канонов и условностей своего времени. Как уже отмечалось, высокое патетическое начало сочеталось в его произведениях с сатирой, острой насмешкой, иронией,